

Эли Берте

Птица пустыни

Эли Берте
Птица пустыни

«Public Domain»

1863

Берте Э.

Птица пустыни / Э. Берте — «Public Domain», 1863

«Известно, что центр Австралии занят пустыней, до сих пор неизведанной, и не менее обширной и не менее негостеприимной, чем пустыня африканская. Путешественники, недавно посещавшие эти безлюдные места, уверяют, правда, что они не так пустынно и бесплодны, как первые исследования заставляли думать. Все-таки Англии, несмотря на смелость ее пионеров, принадлежит только полоса, более или менее узкая, на побережье этого колоссального материка, многолюдные и цветущие города с чудесами современной цивилизации, составляют как бы цепь вокруг центральной части; эту же центральную часть еще ни один европеец не пересекал...»

© Берте Э., 1863

© Public Domain, 1863

Содержание

I. Золотоискатель	5
II. Алмаз	11
III. Неожиданное предложение	18
IV. Условия	23
V. Объяснение	28
VI. На приисках	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эли Берте

Птица пустыни

I. Золотоискатель

Известно, что центр Австралии занят пустыней, до сих пор неизведанной, и не менее обширной и не менее негостеприимной, чем пустыня африканская. Путешественники, недавно посещавшие эти безлюдные места, уверяют, правда, что они не так пустынно и бесплодны, как первые исследования заставляли думать. Все-таки Англии, несмотря на смелость ее пионеров, принадлежит только полоса, более или менее узкая, на побережье этого колоссального материка, многолюдные и цветущие города с чудесами современной цивилизации, составляют как бы цепь вокруг центральной части; эту же центральную часть еще ни один европеец не пересек. Ее обширное пространство, недостаток воды, отсутствие растительности, дикие племена, встречаемые там иногда и сохраняющие свою независимость, не позволяли путешественникам проникнуть в центр этой таинственной области, и многие из тех, кто попытался это сделать, погибли.

На границе английской колонии, в штате Виктория и местечке Дарлинг, будут происходить главные события этой истории.

Местечко Дарлинг обязано своим именем одному переселенцу, который пятнадцать лет назад построил здесь один из самых больших скотных дворов. Дарлинг, разбогатевший на выращивании бычков, вернулся в Европу, а его огромные земли были проданы по частям. На месте бывшего скотного двора не замедлил образоваться поселок, и путешественникам показывали, как местную достопримечательность, маленький деревянный домик, теперь развалившийся и сгнивший, который переселенец построил, когда приехал в эту пустынную местность.

Ко времени, о котором мы говорим, Дарлинг разросся. Правда, большинство деревянных домов, были двухэтажными, но там можно было найти очень хорошие магазины, одну прекрасную гостиницу, школу, протестантскую и католическую церкви – словом, все, как в обычном европейском городишке. Публичные здания имели монументальную наружность, а католическая церковь с готическими окнами и резной каменной колокольной была точь-в-точь такой, как в старой Бретани.

И все же это был обманчивый мираж: всего в десяти милях от Дарлинга начиналась австралийская пустыня, безводная и бесплодная. Здесь уже обработанные поля не радовали глаз, лишь кое-где встречались бедные овчарни. Везде был только песок, с редкими озерами соленой и горькой воды, с островками высоких эвкалиптов и непроходимыми чащами скрэба. Но тут австралийская природа, попираемая цивилизацией, была доступна любопытному взгляду путешественника. Черный лебедь величественно застыл на поверхности озера, между тем как утконос – это странное животное с телом бобра и утиным носом – плескался в болотце. Стада кенгуру при виде человека устремлялись прочь чудовищными скачками, как гигантская саранча, поддерживаемая своими длинными и твердыми хвостами. Здесь можно было увидеть лирохвоста, не уступающего по красоте павлину, и казуара – австралийского страуса, бегающего с завидным проворством по горячему песку. Но в песках, в зарослях кустарников, на берегу озер – повсюду путешественник рисковал встретить черную змею, которая не боялась человека, как другие обитатели пустыни, и укус которой был смертелен.

Казалось бы, Дарлинг, по причине своего отдаленного расположения, был обречен на забвение. Но мимо проходила большая дорога, которая вела из Мельбурна в Сидней, и вдоль нее, как грибы, вырастали маленькие городки и поселки. Поэтому Дарлинг довольно часто посещали переселенцы и туристы, обыкновенно оставлявшие порядочное количество долла-

ров в стране. К тому же одно особенное обстоятельство способствовало тому, что Дарлинг не стал местом, забытым Богом.

Колония была подвержена золотой лихорадке. Драгоценный металл сначала был найден на горе Александр, потом в Баларате, в Индиго и во многих других местностях Виктории. Дарлинг находился поблизости, и огромное количество золотоискателей вынуждено было запастись в городке провизией. Караваны, отправлявшиеся из Мельбурна на прииски или возвращавшиеся оттуда, обычно проезжали через Дарлинг, предпочитая пользоваться дорогой, хоть и не такой короткой, но менее разбитой, чем другие. Таким образом, город мог собирать дань с тех, кто стремился за богатством, и с тех, кто успел завладеть им.

Однажды теплым весенним вечером многочисленная группа золотоискателей остановилась в гостинице Дарлинга. Повозки и лошади, не нашедшие места в конюшнях, загромождали двор, между тем как постояльцы, завладев комнатами, залом и коридорами, расположились даже на галерее, где многие, из них намеревались провести ночь, закутавшись в шерстяные одеяла. Громко переговариваясь, они пили грог с веселостью людей, уверенных, что разбогатеют через неделю. До самой темноты в доме и во дворе раздавались крики и пение.

В сумерках с мельбурнской дороги к гостинице свернул всадник, намереваясь, по всей видимости, просить ночлега.

Ему было около тридцати лет, он был высок, силен и хорошо сложен. Лицо его, загоревшее на тропическом солнце, сохранило тонкость очертаний и нежность выражения. Он носил черную густую бороду, которая нисколько не портила его красивое, с правильными чертами лицо. Черные глаза обнаруживали пылкость характера, не позволявшую ему откладывать исполнение задуманных планов, как бы отважны они ни были.

Костюм мужчины состоял из охотничьей блузы довольно щегольского фасона, на ногах были мексиканские кожаные сапоги, а на голове очень дорогая шляпа. Шерстяное одеяло яркочерного цвета было наброшено на плечо в виде шотландского пледа, из-под которого выглядывал револьвер и длинный охотничий нож, небрежно заткнутые за пояс. Кроме этого оружия, за спиной незнакомца висело на перевязи великолепное двуствольное ружье. Ехал он на превосходной лошади, которой управлял с искусством совершеннейшего наездника. Его вид заставил бы сомневаться, что он принадлежит к числу золотоискателей, если бы роковая страсть к золоту не была бы так заразителна. Перед ней были равны все: и проходимцы, и аристократы.

Путешественник, увидев необыкновенное стечение приезжих в гостинице, заколебался, не решаясь сойти с лошади, когда старый нищий, бродивший около дома в поисках поживы, подошел к нему и сказал по-английски:

– Если вам нужен только стакан пива и кусок говядины, то, может быть, получите их от ван Руера, голландца, содержащего эту гостиницу. Но если вы надеетесь подучить для себя постель и место в конюшне для вашей лошади, то только потеряете время.

Это предупреждение, по-видимому, несколько смутило путешественника.

– К черту Руера и его гостиницу! – ответил он. – Однако послушай, друг... Вы здешний, без сомнения?

Старик сделал утвердительный жест.

– Не знаете ли вы здесь кого-нибудь, кто мог бы оказать мне гостеприимство до завтрашнего утра? Я могу хорошо заплатить.

– Вы с трудом найдете в Дарлинге пристанище, – ответил нищий. – Большая часть домов пуста, потому что все мужчины отправились на золотые прииски, а в других остались только женщины, которые не захотят пустить к себе незнакомца.

– Ну, не в первый раз мне ночевать на улице, – вздохнул путешественник. – Однако я так поспешно уехал из Мельбурна, что не подумал купить путы для моей лошади; неблагоприятно

было бы оставлять на свободе такое прекрасное животное, пока я буду спать. Скажите, есть ли здесь лавка, где я мог бы купить путы?

Вместо ответа старик с любопытством рассматривал путешественника.

– Вы француз? – спросил он наконец.

– Француз или нет, вам что за нужда?

– Не сердитесь, я догадался по произношению... Если бы вы были француз, я сказал бы вам, что вам легко будет достать в двух шагах отсюда, у ваших соотечественников, то, что вам нужно.

– У соотечественников? – повторил с живостью путешественник. – У вас, в Дарлинге, есть французы?

– Да, здесь живет семейство Бриссо, настоящих парижан, как говорят. Они держат магазин вот в том красном доме, у дерева. У них есть товары всякого сорта. Хозяин в отсутствии, он отправился на прииски, туда все отправляются. Золота там в таком количестве, что стоит лишь наклониться и поднять. Я и сам отправился бы туда, если бы не был так слаб и не страдал от подагры... Вы найдете в магазине миссис Бриссо, женщину очень приятную, и мисс Клару, ее дочь, здешнюю жемчужину.

Путешественник выслушал эти подробности с интересом, затем, бросив взгляд на своего собеседника, подал ему шиллинг и сказал:

– Благодарю вас за ваши сведения, друг, и прощайте.

Он слегка коснулся шпорами боков лошади и направился к указанному дому.

Старик остался на том же месте, разделяя свое внимание между монетой, которую он вертел в руке, и удалявшимся всадником.

– Это француз, непременно француз, – бормотал он. – Он дал мне шиллинг и был со мною вежлив. Только француз может быть так глуп, чтобы быть вежливым и щедрым. Черт побери! Я выпью на его счет стакан грога.

И он вошел в таверну.

Путешественник же, доехав до магазина, сошел с лошади и привязал ее к дереву перед домом.

Это был один из тех колониальных магазинов, в которых можно купить товары всякого рода: женские наряды, солонину, седла, домашнюю утварь, стекло, табак, книги, одеяла. Магазин Бриссо был наполнен товарами со всех частей света. Они занимали все здание, а семья жила во дворе, в кирпичной пристройке с наружной галереей. За пристройкой был сад, где фруктовые деревья и вечнозеленые растения, густо разросшись, источали прохладу.

Но путешественник не обратил внимания на эти подробности, свидетельствующие о зажиточности хозяев, и решительно вошел в магазин.

Заметив за кучей разложенных товаров старую негритянку, которой было поручено обслуживать покупателей, он сказал по-французски довольно развязным тоном:

– Ну, добрая женщина, покажи-ка мне путы для моей лошади.

Негритянка, смущенная его неожиданным появлением, испуганно произнесла:

– О, сэр!

Путешественник хотел повторить свою просьбу, когда из-за рулонов ткани раздался серебристый голосок:

– Француз, и, без сомнения, недавно прибывший в колонию? Добро пожаловать!

И в следующий миг к нему поспешно подошла девушка. Это была Клара Бриссо.

Нищий не преувеличил ее прелести: блондинка с выразительными глазами, голубыми, как небесная лазурь, чистыми и кроткими. На Кларе было светлое кисейное платье из недорогой материи, довольно изящное. Волосы украшала своеобразная гирлянда из цветов. Да и сама эта хорошенькая француженка, перенесенная за тысячи миль от своей родины, походила на тропический цветок.

Клара, повинувшись внезапному порыву, засмеялась, но едва взгляд ее встретился с черными глазами незнакомца, она потупила голову и покраснела.

Путешественник, в свою очередь, казался очарованным этой прелестной девушкой.

– Я очень рад, – сказал он непринужденно, – встретить здесь соотечественницу да еще такую красавицу.

Клара, не привыкшая к подобным комплиментам, еще больше смутилась. Чтобы скрыть свое замешательство, она сказала негритянке:

– Семирамида, подай стул мсье, и если бы я осмелилась предложить ему...

Она на минуту замолчала, между тем как старая негритянка поспешила подать стул, и продолжила:

– Вы, без сомнения, недавно приехали в колонию?

– Два дня назад, – ответил путешественник, опускаясь на стул, – из Мельбурна я сразу отправился на прииски и рассчитываю попасть туда завтра к вечеру.

Клара, казалось, была разочарована.

– А, так вы едете на прииск? Но не будет ли нескромностью спросить вас, из какого города Франции приехали вы?

– Я всегда жил в Париже. Я там родился.

– В Париже! – повторила Клара с одушевлением. – Вы приехали из Парижа?

И, не дожидаясь ответа, она бросилась к двери в другом конце магазина, взволнованно крича:

– Мама! Иди скорее! Путешественник, француз, приехал из Парижа!

– Из Парижа? – повторили за дверью.

И из маленькой комнатки поспешно вышла женщина. Ей было, наверное, лет сорок, легкие морщинки уже пролегли около рта, но она была еще свежа, румяна, а в ее темных волосах, на которых был надет маленький кружевной чепчик, путешественник не заметил ни одной серебряной нити – словом, она была еще хороша и могла бы, пожалуй, сойти за старшую сестру своей дочери. Женщина была одета с большей изысканностью: в платье с воланами и лентами, увешана золотыми цепочками, браслетами, бренчавшими на шее, руках и поясе. Если бы не излишнее жеманство, ее можно было бы принять за парижанку из хорошего общества. Но за много миль от родины нельзя быть слишком взыскательным относительно того, что нам напоминает ее.

Путешественник церемонно поклонился хозяйке, но она протянула ему руку, с живостью произнесла:

– Садитесь, садитесь, мсье! Какое счастье встретить француза в этой дикой стране! Мы, впрочем, довольно часто видим соотечественников в Дарлинге, но это не всегда люди хорошо воспитанные, чаще это авантюристы, сброд... А на этот раз, – прибавила она с очаровательной улыбкой, – мы имеем дело с человеком порядочным, с...

– С бедным золотоискателем, сударыня, – перебил ее путешественник. – Я не хочу оставлять вас в заблуждении на свой счет, тем более что имею, может быть, другие права на внимание.

Мадам Бриссо, как и ее дочь, как будто слегка разочаровалась, услышав это, но тем не менее сказала:

– Значит, вы намерены отправиться на прииски? Что ж, в этом ничего нет бесславного. Там мой муж и почти все жители Дарлинга. Конечно, муж не работает на приисках, он держит там такой же магазин, как наш. Торговля идет хорошо, и каждую неделю мы отправляем ему новые товары. Но оставим это и поговорим лучше о Париже, о моем милom Париже, откуда мы не имели известий после... после наших несчастий.

Эти слова сопровождались глубоким вздохом. Так мадам Бриссо всегда говорила о таинственных происшествиях, которые заставили ее уехать из Франции.

– Так как вы недавно приехали в Австралию, то можете сообщить нам свежие новости из нашей прекрасной столицы, – продолжала она. – Что там делается? Какая там мода? Какую новую пьесу играли и в каком театре?

– Извините, мадам, мы, видимо, не поняли друг друга, – счел нужным объяснить путешественник, – я жил в Париже, но покинул его давно. Прежде чем оказаться в Австралии, я несколько лет жил в Калифорнии, отправился в Бразилию. Шесть лет прошло в странствиях, и поэтому я не могу сообщить вам свежих новостей из Парижа.

Мадам Бриссо нахмурилась.

– Что же сказала Клара? – с досадой произнесла она. – Однако вы были в Париже почти в одно время с нами, потому что не прошло еще шести лет, как мы поселились в Дарлинге, и мы можем поговорить о нашем милом Париже...

И мадам Бриссо принялась вслух вспоминать о своей парижской жизни. Путешественник охотно отвечал ей, хотя, по-видимому, он давно уже потерял привычку к такой праздной болтовне. Клара не принимала участия в их разговоре, но слушала с очевидным вниманием и иногда не могла скрыть волнения, вызванного, без сомнения, горестными воспоминаниями.

Между тем, по мере продолжения разговора, становилось очевидным, что хозяйка дома и путешественник принадлежали к разным слоям общества. Мадам Бриссо, муж которой держал магазин на улице Сен-Дени, бывшая купчиха, говорила только о лавочниках, о торговых делах и удовольствиях, свойственных мещанам. Золотоискатель, судя по его скупым фразам, бывал в высшем свете; его вкусы, как и его речь, обнаруживали светского человека, несмотря на внешнюю грубость обращения. Эти подробности не укрылись от мадам Бриссо, которая, будучи не в силах справиться со своим любопытством, вдруг спросила:

– А можно узнать ваше имя?

Путешественник ответил, улыбаясь:

– Меня зовут Жюстен де Мартиньи, я потомок благородной нормандской фамилии. К этому имени присоединяется титул виконта, но из всех моих преимуществ это наименее было мне полезно в Калифорнии и в Бразилии, и я подозреваю, что оно не более будет полезно на австралийских приисках, куда я отправляюсь. Поэтому я рассчитываю на мою физическую силу более, чем на титул, когда-то полученный моими предками в Старом Свете.

Несмотря на показное равнодушие к предрассудкам Старого Света, быть может, виконт де Мартиньи рад был в глубине души дать понять своим хорошеньким соотечественницам, что он не какой-нибудь проходимец-авантюрист.

Мадам Бриссо спросила с удивлением:

– Как, виконт, и вы, человек знатного происхождения, решились оставить Францию и Европу и отправиться в эти отдаленные края?

– Увы, мадам, я был богат, но, по моей вине или нет, а мое состояние исчезло, так что мной движет необходимость. Извините, – прибавил он озабоченно. – Я совсем было забыл, что вынужден ночевать на открытом воздухе, и что для моей лошади нужны путы... Есть они у вас в магазине?

– Конечно, виконт, – торопливо ответила мадам Бриссо, – у нас есть все необходимое для кочевой жизни. Клара, дочь моя, покажи путы виконту де Мартиньи... или нет, пусть лучше Семирамида займется этим.

Негритянка принесла цепи, и Мартиньи, быстро рассмотрев их, хотел выбрать одну, когда мадам Бриссо сказала:

– Скоро начнется дождь, дорогой мой соотечественник, и у меня сердце обливается кровью при мысли, что вы в такую погоду проведете ночь под открытым небом. Неужели вы не нашли ночлега в Дарлинге?

– В гостинице полно народу, а так как я не знаю здесь никого, то не осмелился просить гостеприимства у жителей Дарлинга, рискуя получить отказ. Но не беспокойтесь обо мне, я уже давно отвык от парижских привычек и не одну ночь провел под дождем, на ветру и на снегу.

– И все-таки мне неприятно думать, что вы... Но как быть? Мы не можем предложить вам ночлег у себя. Было бы неприлично...

– Мама, – робко перебила ее Клара, – может быть, наш сосед, судья Ричард Денисон согласится принять нашего соотечественника?

– И правда! Конечно, он не откажет, моя милая, особенно если его попросить от твоего имени. Ну, я пошлю к нему Семирамиду. Подождите немного, виконт. Семирамида вернется через несколько минут. Право, мне очень не хочется, чтобы вы ночевали на улице.

Мартиньи снова устроился на стуле. Хозяйка тихо сказала что-то негритянке, которая поспешно вышла, и разговор о Париже и о Франции продолжился. Виконта, несмотря на все его терпение, начинали уже раздражать все эти беспрестанные повторения и охи, когда вошла Семирамида в сопровождении пожилого человека.

Низко поклонившись женщинам, бросив внимательный взгляд на Мартиньи, он сказал, что господин судья кланяется господам Бриссо и будет рад принять у себя французского путешественника.

– Я это знала! – сказала мадам Бриссо, выразительно посмотрев на Клару. – Ну, дорогой мой соотечественник, – обратилась она к виконту, – Уильям проводит вас к своему господину, и вы не слишком будете жалеть о том, что не провели ночь под открытым небом... Притом, – прибавила она, – Уильям скажет мсье Денисону, что я приглашаю его вместе с виконтом де Мартиньи на чай.

Уильям поклонился, а виконт рассыпался в благодарностях за любезное приглашение.

– Надеюсь, мсье Денисон тоже не откажется, – сказала, улыбаясь, мадам Бриссо. – Итак, до свидания.

Когда Мартиньи ушел, она приказала Семирамиде запереть магазин и занялась приготовлениями к вечеру.

II. Алмаз

Было уже темно, когда Мартиньи и Уильям, который вел его лошадь, вышли из магазина Бриссо. К счастью, им не надо было идти далеко: не сделав и ста шагов по главной улице Дарлинга, они остановились перед кирпичным домом, с цветником во дворе. Железные ворота, выходявшие на улицу, были открыты настежь. Молодая негритянка подошла, чтобы взять лошадь и отвести ее в конюшню. Видимо, все мужское население Дарлинга находилось на приисках, и из прислуги в домах остались только женщины, за исключением нескольких слуг, преданных своим хозяевам, таких, каков был, по-видимому, Уильям.

Он провел Мартиньи в гостиную, обставленную дорогой мебелью. Мягкий ковер покрывал пол, а высокий канделябр с зажженными свечами ярко освещал комнату.

В своей кочевой жизни, продолжавшейся не один год, виконт успел отвыкнуть от комфорта, и теперь удивленно осматривался, не заметив появившегося в дверях хозяина дома, высокого молодого человека лет двадцати восьми или тридцати, розовощекого и светловолосого. Он был в черном фраке и белом галстуке, составлявших резкий контраст с одеждой колонистов. Ричард Денисон был главный судья Дарлинга и окрестных мест, и этот церемонный костюм, без сомнения, предписывала ему его должность.

Он подошел пожать руку путешественнику и дружески приветствовать его.

– Мне бы не хотелось стеснять вас, – сказал Мартиньи. – Я неприхотлив, для меня довольно циновки и куска хлеба на ужин.

– Надеюсь, что смогу предложить вам кое-что получше, – возразил Денисон с вежливой улыбкой.

Позвав Уильяма, он приказал ему проводить Мартиньи в отведенную для него комнату. Виконт, прежде чем выйти, передал Денисону приглашение мадам Бриссо, и это приглашение, по-видимому, очень обрадовало судью, несмотря на его обыкновенную сдержанность.

Уильям, проводив Мартиньи, вернулся в гостиную.

– Какого черта его прислали к нам? – недовольно пробурчал он. – Говорили о джентльмене, французском дворянине, а это такой же дикарь, как и другие! Ах, мистер Ричард, зачем вы согласились оказать гостеприимство незнакомцу?

– Полно, полно, Уильям! Будь снисходительней к моему гостю, – возразил Денисон. – Этот человек, судя по всему, вращался в избранном обществе, и мне не придется раскаиваться в том, что я предоставил ему ночлег.

– Конечно, первый встречный золотоискатель будет обладать в ваших глазах всеми достоинствами только потому, что его рекомендовали эти Бриссо... Кстати, вы намерены отправиться к ним сегодня вечером?

– Почему же нет, старый ворчун? По какой причине должен я отказаться от этого приглашения?

Хотя судья не повысил голоса, но в его тоне послышались строгие нотки, заставившие Уильяма оробеть.

– Конечно, вы имеете право бывать где вам угодно, но моя преданность вам, мистер Ричард, предписывает мне предупредить вас, что здесь много толкуют о ваших посещениях этого дома... Никому неизвестно прошлое семейства Бриссо, и надо опасаться...

– Довольно, Уильям, – сухо оборвал его Денисон. – Дамы, о которых ты говоришь, заслуживают уважения, и помни, что я запрещаю тебе сплетничать о них.

Видя, что Уильям огорчен этим выговором, Денисон улыбнулся.

– Полно, старый дуралей, лучше постарайся-ка поддержать честь нашего дома... Послушай, – прибавил он, понизив голос, – я понимаю твои опасения, но я знаю, что делаю... А

теперь займись делами, а не то у нашего гостя сложится дурное мнение о нашем гостеприимстве.

Уильям молча поклонился и поспешил на кухню.

Через полчаса Мартиньи и Ричард Денисов сидели в столовой за великолепно сервированным столом. Судья угощал своего гостя, держась дружелюбно и в то же время со сдержанностью, которая, казалось, составляла основную черту его характера. Мартиньи, со своей стороны, выказал себя веселым и приятным собеседником. Он много повидал в своих путешествиях и обладал даром прекрасного рассказчика. Однако Денисона удивляла некоторая смелость его суждений, но он из вежливости не спорил.

Наконец обед закончился. Разливая портвейн по рюмкам, Денисон с нескрываемым нетерпением сказал:

– Теперь, если вам угодно, мы отправимся к дамам, которые ждут нас пить чай.

– С удовольствием, – ответил Мартиньи, потушив сигару, которую он курил, – тем более, что мадемуазель Клара, моя соотечественница, восхитительная девушка.

Судья, бросив на него проницательный взгляд, медленно произнес:

– Вы находите мисс Клару очень хорошенькой?

– Это одна из самых очаровательных девушек, каких я когда-либо видел, – признался я Мартиньи. – Если бы я увидел ее раньше, то непременно бы влюбился.

– Раньше? – повторил Денисон с недоверием. – А теперь?

– О, теперь я не так скоро воспламеняюсь. Однако... да... Кажется, и теперь нельзя ручаться ни за что.

Денисон, не спуская с него глаз, сказал холодным тоном:

– Пойдемте, нам пора.

Они вышли из дома, и так как ночь была темная, Уильям шел впереди с фонарем. Они прошли мимо запертого и безмолвного магазина и, войдя во двор, направились к пристройке, в которой жили Бриссо. Ее окна ярко светились.

Женщины ждали их в гостиной, меблированной по-европейски. Чайный сервиз японского фарфора стоял на столе. Мадам Бриссо, разряженная, с голыми плечами, сидела на диване возле своей дочери, гораздо проще одетой, но все-таки очаровательной.

Были приглашены еще гости: мистер Оинз, землемер, особа довольно важная в колонии, и его дочь почти одних лет с Кларой. Мисс Рэчел, высокая, стройная блондинка, проводила в магазине большую часть своего времени, если только не занималась изучением биологии, которой страстно увлекалась.

Мадам Бриссо приняла Мартиньи и Денисона с большой предупредительностью, а Клара при виде молодого судьи покраснела, как вишня. Мартиньи представили мистеру Оинзу, толстому англичанину, и при этом мадам Бриссо не упустила случая подчеркнуть титул своего соотечественника. Нигде титулам не придают столько значения, как в Англии.

Оинз пожал руку золотоискателю.

– Очень рад вас видеть, сэр, – сказал он, – это большая для меня честь. Мне очень лестно... Я весь к вашим услугам, сэр.

Между тем как Мартиньи что-то отвечал землемеру, Ричард подошел к Кларе и взял ее за руку.

– Добрый вечер, мисс Клара.

– Добрый вечер, мсье Денисон, – ответила девушка.

В этих коротких словах, которыми они обменялись, было больше симпатии и чувства, чем в длинных речах.

Скоро все расселись вокруг чайного стола, болтая по-французски. В разговоре не принимал участия только Оинз, так как не знал французского. Впрочем, землемер не обижался. Дочь его взяла несколько уроков в Англии, и Оинз был рад, что теперь Рэчел может попрак-

тиковаться в языке, и притом даром. Сам же он компенсировал свою вынужденную немоту сэндвичами и пирожными.

Виконт между тем говорил, прихлебывая из чашки:

– Право, мне придется поразмыслить сегодня о таинственной силе, которая разрушает наши предвидения! Два часа назад я был уверен, что проведу ночь, закутавшись в одеяло, на холоде и дожде, облепленный комарами, опасаясь скорпионов и черных змей, и вдруг – превосходный прием в роскошном доме! Я нахожусь в обществе благородных джентльменов и самых любезных дам, каких только удавалось мне встречать после моего отъезда из Франции! Пусть-ка теперь посмеют клеветать на судьбу!

– Однако, виконт, – возразила мадам Бриссо, – вы храбрый человек, если решились ночевать под открытым небом.

– Ночь, проведенная таким образом, – вставила мисс Рэчел, – не была бы, может быть, лишена очарования, если виконт де Мартиньи любит природу. Он мог бы наблюдать за множеством животных, неизвестных в Европе, которые появляются только ночью. Ты, Клара, конечно, знаешь, морепорку, птицу, похожую на кукушку? – обратилась она к своей подруге.

Клара в эту минуту со вниманием слушала Денисона, что-то шептавшего ей на ухо. Вздвогнув, она смущенно пробормотала:

– Нет, нет, Рэчел, я ее не знаю.

– Не знаешь? – удивленно повторила мисс Оинз. – Уже шесть лет как вы живете в колонии. Боже мой, моя милая, чему же учат во Франции? Нет ни одной хорошо воспитанной девушки в Англии или в Германии, которая не имела бы познаний в зоологии или, по крайней мере, в ботанике!

Смущенная Клара молчала. Ее мать, нахмурившись, возразила:

– Обычаи одинаковы не во всех странах, мадемуазель Оинз. Во Франции, например, девушек учат танцевать, рисовать, играть на фортепьяно...

– Но эти свои таланты, – с живостью перебил Мартиньи, – они забывают после замужества, потому что пользы от них никакой. Прошу меня простить, мадам Бриссо, но я принимаю сторону мадемуазель Оинз. Мне кажется, что биология, естествознание или зоология должны были бы считаться не менее важными науками, чем рисование или игра на фортепьяно. То, что я говорю о француженках, я мог бы сказать и о французах, потому что сам во время путешествий очень часто сожалел о неведении в подобных вещах. Прежде я был неспособен, как истинный парижанин, отличить вереск от дуба, и должен был познакомиться с некоторыми существами, о которых раньше знал только понаслышке. Одно из них – серый медведь. Я спокойно купался в Красной реке, в Америке, когда вдруг заметил, что медведь рвет мою одежду на берегу. До сих пор я видел только медведей, которых водят цыгане по нашим улицам, и потому тот медведь показался мне не очень страшен. Я поспешил выйти из воды на помощь моему бедному костюму и взять охотничье ружье, которое я оставил у дерева. Это ружье было заряжено дробью, потому что до купания я охотился на уток, это оружие было не очень-то пригодно против медведя. Но, рассердившись, что так бесцеремонно обращаются с моей одеждой, я выстрелил в него. Хорошо, что я попал медведю в глаз, потому что иначе я не рассказывал бы вам здесь об этом приключении. Медведя не так-то легко убить, и у меня на спине на всю жизнь остались следы его огромных когтей... Это был мой первый урок знакомства с природой.

Мисс Рэчел с живым вниманием слушала этот рассказ.

– Второй урок был мне дан в Бразилии, где я путешествовал с местным охотником, язык которого не совсем хорошо понимал, – продолжал Мартиньи. – В один прекрасный вечер, с ружьем в руке, я выслеживал дикого быка, как вдруг заметил в высокой траве два сверкающих глаза, устремленные на меня. Охотник, бывший недалеко – бразильские охотники всегда ездят верхом – закричал мне что-то, но я не расслышал. Думая, что я имею дело с дикой кошкой, я прицелился между двух глаз, смотревших на меня, и выстрелил. Пуля отскочила, как

от скалы, и тотчас огромный зверь бросился на меня. Это был ягуар. Одним ударом лапы он отшвырнул меня футов на пять. Без сомнения, он не хотел этим ограничить свои ласки, когда мне на помощь прискакал охотник. Я уже чувствовал на своем лице горячее дыхание зверя, но в следующий миг аркан стянул шею ягуара. В ответ на мою благодарную речь охотник признался, что ему гораздо более хотелось заполучить шкуру ягуара, чей спасти мою: шкура ягуара стоила десять долларов, а моя – ничего... По крайней мере, в глазах бразильского охотника. Вот видите, каким образом я получил несколько наглядных уроков. Избавлю вас от множества других в том же роде уроков, которые я получил, шатаюсь по свету. Поэтому, как и мадемуазель Оинз, я считаю, естествознание очень хорошая вещь.

– Вы подвергались большим опасностям, виконт, – тихо сказала Клара. – Это должно было бы внушить вам отвращение к кочевой жизни, исполненной приключений.

– Если бы какая-нибудь такая же добрая и прелестная особа, как вы, интересовалась моей участью, то, может быть, я посчитал бы, что жизнью стоит дорожить... Но если бы медведь разорвал меня, если бы ягуар растерзал, никто не пожалел бы обо мне, никто бы обо мне не заплакал!

– Как, виконт, разве у вас нет в Европе родных, друзей, – с нетерпением ожидающих вашего возвращения?

– Родных?... В самом деле, в одной отдаленной провинции есть родственники по материнской линии, которые были бы не прочь получить после меня наследство, если бы я оставил его, но которые не признали бы меня за родного, если бы я явился к ним бедный и в лохмотьях. Друзья?... Да, в эту минуту на Итальянском бульваре в Париже, может быть, найдется несколько добрых малых, которые дадут луидор, если я попрошу у них, чтобы не умереть от голода, с условием, однако, что я не подвергну их щедрость повторному испытанию такого же рода... Да, конечно, у меня есть друзья, и я побьюсь об заклад, что им случается иногда говорить, дымя сигарой: «А что сделалось с этим бедным Мартиньи?» – «Право я не знаю. Он, верно умер». – «Умер? Полноте, он очень живуч. Он пережил все свои дуэли. Держу пари на пятьдесят луидоров, что он вернется». Да, если я вернусь когда-нибудь, один дружески меня поцелует, а другой пошлет меня к черту.

Мартиньи потянулся к чашке и с притворным наслаждением принялся прихлебывать чай.

– Однако, – сказала мадам Бриссо, – только очень важные причины, виконт, могли принудить вас оставить Париж, отправиться в Америку сражаться с серыми медведями и с ягуарами. Наверное, вы очень страдали, ваше бедное сердце обливается кровью от тайной раны!

– Вот каковы женщины! – воскликнул Мартиньи, поставив чашку на стол. – Они воображают, что составляют единственный смысл нашей жизни, они не понимают, что кто-то может принять важное решение без того, чтобы они не были тому причиной. Нет, сударыня, не любовное отчаяние заставило меня оставить Францию, как вы, кажется, думаете. Когда я обеднел, действительно была женщина, которая удалилась от меня, как удалились родные и друзья. Может быть, надежда вернуть ее внушила мне желание с таким жаром гоняться за богатством. Ее вероломство доказало мне еще раз, что только богатству стоит завидовать, потому что оно одно приносит независимость и счастье.

Эта теория осталась бы, может быть, без опровержений, если бы Ричард Денисон не сказал:

– Позвольте! По-моему, есть много других преимуществ для человека порядочного. Например, сознание собственного долга, уважение других и свое собственное...

– Без сомнения, без сомнения, – кивнул виконт. – Но согласитесь, что при всем этом необходимо иметь хлеб и бифштекс, одежду, дом, мебель и множество других, не менее необходимых вещей.

– Ну, для того чтобы иметь это, для человека честного есть работа, торговля...

– Видно, господин судья, вы никогда не испытывали лишений, потому что тогда бы знали, какая разница между практикой и теорией. Притом я хочу разбогатеть, пока молод. К чему мне богатство, если я не в состоянии буду наслаждаться им? В Европе нелепые предубеждения стеснили бы меня в исполнении задуманного, и я пустился в путь, рассчитывая только на собственные силы и способности в достижении успеха. Ничто не может остановить меня, эта борьба мне нравится, и не без некоторого удовольствия уничтожаю я препятствия, обхожу затруднения, пренебрегаю опасностями. Я успею – в этом я уверен. Раз двадцать на суше и на море я лицом к лицу сталкивался со смертью, и всегда отчаянное усилие, счастливая случайность спасали меня. Поэтому я убежден в успехе. Если же мои планы не осуществляются, что ж... Я покорюсь своей участи. Быть погребенным под землей, или в волнах океана, или быть съеденным зверем – не одно ли и то же?

Мартиньи, рассуждая таким образом, преобразился. Его легкомысленный тон сменился голосом твердым и решительным, черные глаза сверкали.

– Вы ошиблись эпохой, приехав искать богатство в Новом Свете, – возразил Денисон. – Вам надо было бы приехать сюда во времена флибустьеров, грабивших суда. Но теперь и здесь, и в Европе средства обогатиться одни и те же. При этом не следует ждать быстрого результата, потому что эти средства честны, однако неизвестны никакие другие, кроме тех, о которых я уже говорил: торговля и промышленность.

Может быть, Мартиньи услышал в этих словах что-то оскорбительное для себя, потому что он слегка нахмурил брови, но тотчас, одумавшись, весело возразил:

– Эта тирада сделала бы вам честь, если бы вы говорили ее обвиняемому в заседании суда. Но, увы, я по опыту знаю, что вы не правы. Когда после долгого и трудного путешествия я с другими переселенцами приехал в Калифорнию, прииски уже были заняты более расторопными ребятами. Поэтому каждый из нас постарался найти себе промысел, который позволил бы ему жить, дурно или хорошо...

– А чем занимались в Калифорнии вы, виконт? – с любопытством спросила мадам Бриссо.

– Я занимался многим – уклончиво ответил Мартиньи. – И, уверен, возбудил бы насмешки моих друзей на Итальянском бульваре, если бы когда-нибудь вздумал рассказать им о своих приключениях. Однако, несмотря на мою неудачу в стране золота, мне удалось скопить кое-что, чтобы переехать в Бразилию. Бразилия – страна бриллиантов, и я вообразил, что мне удастся там вознаградить себя за прошлые неудачи. Но мои надежды не осуществились, я был близок к отчаянию, когда известие об открытии месторождений золота в Австралии дошло до меня. Я сел на английский пакетбот и обогнул мыс Горн, чтобы одному из первых добраться до этой благословенной земли. Впрочем, и здесь меня, кажется, опередили, однако смею думать, что я приехал не слишком поздно...

– Нет, нет, виконт, – поспешила успокоить его мадам Бриссо. – Говорят, на приисках есть очень везучие золотоискатели. Если хотите, я вам дам письмо к моему мужу: он может дать вам хороший совет, и без сомнения, будет вам полезен, подыскав хорошее место для разработки.

Мартиньи принял это весьма выгодное для себя предложение и рассыпался в благодарности.

Ричард Денисон сохранял свою холодность и, казалось, не испытывал особой жалости к виконту из-за его неудач.

– Дай Бог вам успеха! – сказал он. – Конечно, если бы вы употребили для более благородной цели настойчивость и мужество, то возможно приобрели бы теперь кое-что получше богатства.

– Что вы хотите этим сказать, господин судья? – спросил Мартиньи. – Я много трудился в Калифорнии, торговал в Бразилии и, может быть, буду заниматься тем же на австралийских

приисках. И притом, откуда вы знаете, что эти усилия были совершенно напрасны? Я извлек некоторую пользу, подвергая стольким опасностям свою жизнь...

– Как, виконт, – перебила его мадам Бриссо, – ведь вы сейчас нам говорили...

– Да, говорил, что поиски золота не обогатили меня на берегах Сакраменто, но я был не без средств, когда покидал Калифорнию, и по милости торговли имел еще более, оставляя Бразилию. Конечно, мое теперешнее богатство занимает немного места, однако оно имеет свою цену, и я не могу устоять от желания показать его любезным дамам.

Он достал из потайного кармана какую-то маленькую вещицу, старательно спрятанную в кожаный кошелек. На первый взгляд она походила на ладанку, если бы можно было подозревать в суеверии виконта де Мартиньи. Но нет, в кошельке оказался камень величиной с орех неправильной формы.

– Какой чудесный алмаз! – воскликнул Денисон. – И хотя он не отшлифован, но должен иметь значительную ценность.

– Его оценили в двенадцать тысяч долларов, – сказал виконт, – то есть в шестьдесят тысяч франков. В нем тридцать каратов, и так как он самой чудной воды...

– Алмаз в шестьдесят тысяч франков! – восхищенно произнесла мадам Бриссо. – Пожалуйста, позвольте мне посмотреть!

– И мне! – попросила Клара.

– И мне! – присоединилась к подруге Рэчел. – Хотя алмаз не что иное, как кристаллизованный углерод.

Камень переходил из рук в руки. Женщины восторженно ахали, Оинз, долго его рассматривая, бормотал: «Очень хорошо, прекрасно», а Мартиньи наслаждался произведенным эффектом.

– Неужели вы думаете, мсье Денисон, – сказал он, улыбаясь, – что какой-нибудь мужественный поступок может возбудить такой же горячий восторг? Эти дамы только что видели во мне, несмотря на мой титул, жалкого авантюриста, но я намного вырос в их глазах как обладатель подобного сокровища. Вы сами, хотя, может быть, не захотите в этом признаться, теперь уважаете меня несколько больше.

– Вы ошибаетесь, виконт. Для того чтобы я уважал вас, мне надо знать, как этот алмаз достался вам.

– Очень просто: я купил его за пятьсот долларов у негра, который нашел его на приисках Минас-Жерайс, в Бразилии.

– И вы без всяких колебаний купили за пятьсот долларов вещь, стоящую двенадцать тысяч? Все алмазы в Минас-Жерайс принадлежат императору, и негр, продавший вам этот алмаз, без сомнения, украл его.

– Мне это неизвестно, – невозмутимо ответил Мартиньи. – Негр сказал, что он нашел его, а так как это весьма возможно, то я этим удовольствовался. Но если бы даже я занимался в Бразилии контрабандой алмазами, что в этом дурного, позвольте вас спросить? Ведь ваши соотечественники в Китае торгуют опиумом.

– Закон во всех странах строго наказывает за контрабанду, и вы...

Судья не договорил, понимая, что теперь не время излагать нравственные принципы, которым он следовал сам и исполнения которых требовал от других. Его никто не слушал. Женщины продолжали с восторгом рассматривать алмаз. Они подносили его к свету, любовались игрой его лучей, прикладывали к платью. Денисон заметил, не без огорчения, что Клара увлечена этим не меньше, чем другие, и глубоко вздохнул.

– Если мой алмаз кажется вам таким прекрасным, когда он еще не отделан, – сказал Мартиньи, – представляю, каким он вам покажется, если его отшлифует один из искусных парижских ювелиров! Ведь это для вас, милостивые государыни, делают всякие дорогие безделушки. Природа, внушая вам желание нравиться, весьма естественно внушает вам также жела-

ние наряжаться. Если я когда-нибудь осуществлю задуманное, я желал бы, чтобы у женщины, которую я поведу к алтарю, были бы в серьгах два таких больших бриллианта, как этот.

– Ей было бы чем гордиться, – рассеянно сказала Клара.

Ричард Денисон резко встал из-за стола. Несмотря на свою обычную сдержанность, сейчас он не скрывал неудовольствия.

– Может быть, виконт, – сказал он дрогнувшим голосом, – нам пора? Если не ошибаюсь, вы намереваетесь завтра рано утром отправиться в путь?

– Ба! Сорок или пятьдесят миль ничего не значат для моей лошади. Я приду завтра утром проститься с моими очаровательными соотечественницами и взять рекомендательное письмо, обещанное мне к мсье Бриссо.

Мартиньи встал и вежливо поклонился присутствующим. Когда он подошел к Кларе, она все еще рассматривала камень.

– Если эта игрушка вас забавляет, – сказал виконт, – оставьте ее до завтрашнего утра. Вы увидите, как алмаз сияет при дневном освещении. Я заберу его, когда приду за рекомендательным письмом.

– Виконт, – смущенно произнесла Клара, – я, право, не уверена...

– Оставь его, если виконт разрешает, – сказала ей мать. – И правда, любопытно посмотреть на камень при солнечном свете.

– Ах, мама, наверное, он будет похож на каплю росы на зеленом листе красносочника.

Оинз с дочерью тоже засобирались домой. В прихожей Денисон шепотом сказал Кларе:

– Мисс Клара, мне необходимо поговорить с вами как можно скорее. А пока умоляю вас, не доверяйте этому французу: он кажется мне подозрительным. К счастью, через несколько часов мы освободимся от него, и навсегда, я надеюсь... Прощайте, мисс Клара.

И, взяв виконта под руку, он поспешил его увести.

III. Неожиданное предложение

Кто же такие были Бриссо и какая причина заставила их решиться поселиться в этой далекой австралийской колонии?

В продолжение целого столетия, по крайней мере, несколько поколений Бриссо содержали магазин шерстяных тканей под вывеской «Белая роза» на улице Сен-Дени в Париже. Этот магазин, не очень обогащая хозяев, имел, однако, своих постоянных покупателей, поэтому, когда Бриссо, отец Клары, заступил на место своего отца, удалившегося от дел с несколькими тысячами франков годового дохода, можно было предполагать, что он будет вести спокойную и размеренную жизнь своих предков.

Но, к несчастью, Бриссо, о котором идет речь, имел характер беспокойный и ревнивый. Он очень ревновал свою молодую и красивую жену, которая, стоя за прилавком с утра до вечера, была окружена толпой поклонников. Трудно сказать, поощряла ли мадам Бриссо горячие восторги в свой адрес, но бедный муж жестоко страдал, и нескольких злых намеков, долетевших до его ушей, оказалось достаточно, чтобы в семействе Бриссо случилась катастрофа, положившая конец благоденствию этой фамилии.

Однажды днем квартал был встревожен криками, раздававшимися в квартире супругов Бриссо, вслед за которыми последовали два выстрела.

Сбежавшиеся соседи поспешили войти в комнату, откуда слышались жалобные стоны, и увидели молодого человека, который часто бродил около магазина, лежавшего на полу с простреленной грудью. Он был мертв. Мадам Бриссо была ранена в плечо и, то ли от волнения, то ли от боли, лишилась чувств. Муж ее, виновник этого двойного покушения, заряжал свой пистолет, без сомнения, намереваясь застрелиться, когда на него бросились и обезоружили.

По случаю ужасного происшествия началось следствие. Бриссо признался, что, застав свою жену с молодым человеком, он выстрелил в обоих в припадке ревности. Но мадам Бриссо опровергала его показания. По ее словам, она пошла в спальную переодеться, как вдруг молодой человек, неизвестно как проникший в квартиру, внезапно явился перед ней и бросился к ее ногам, произнося бессвязные слова. Удивленная и испуганная, она умоляла его уйти, когда вошел муж, держа в руке пистолет. Прежде чем она успела сказать хоть слово, незнакомец упал, смертельно раненный, вторая пуля попала ей в плечо, и она потеряла сознание.

Который из этих двух рассказов соответствовал истине? Пока пытались ответить на этот вопрос, Бриссо, обвиненного в убийстве, заключили в тюрьму.

Процесс по милости прессы получил громкую огласку. В день судебного заседания супруги помирились, Бриссо по-прежнему обожал свою жену, а она, может быть, сознавая за собой некоторую вину, была расположена к снисхождению. Бриссо осудили к году тюремного заключения, да и то половина срока была убавлена по милосердию императора.

Когда Бриссо оказался на свободе, супруги, не смея встречаться с соседями и друзьями, поспешили продать магазин, дела которого очень расстроились за время процесса, и решили поселиться в такой стране, куда не мог дойти слух об этом ужасном происшествии. После долгих споров и колебаний была выбрана Австралия. Приехав туда, они открыли магазин в Дарлинг-е.

Вот каковы были происшествия, на которые намекала мадам Бриссо, когда говорила о своих несчастьях. Впрочем, ее никогда не просили объяснить, в чем состояли эти несчастья. В Австралии, где столько людей, занимающих порядочное положение, были когда-то каторжниками или детьми каторжников, считалось неучтивым расспрашивать о прошлой жизни. Поэтому супругам Бриссо редко приходилось быть объектом нескромного любопытства, хотя с некоторых пор одно новое обстоятельство опять заставило их вспомнить об этом горестном событии.

Ричард Денисон не скрывал своих симпатий к Кларе, и частые его посещения позволяли предполагать, что он намерен предложить руку девушке. Ричард был из хорошей английской семьи, его отец прежде занимал важную должность в колонии. Он имел большое состояние, все ценили его за ум и честный характер. Со своей стороны, Клара была кротка, умна, несмотря на некоторое легкомыслие, которое скорее объяснялось ее молодостью, и считалась одной из прелестнейших девушек в Дарлинге. Кроме этого, дела ее родителей шли успешно, они в состоянии были дать ей хорошее приданое. Итак, партия и для одной, и для другой стороны, была приличная и, по-видимому, никакое препятствие не должно было помешать этому союзу.

Однако молодой судья не просил еще официально руки Клары и, без сомнения, такая медлительность была продиктована не осторожностью, а какой-то другой причиной. Причину эту не трудно угадать: это была тайна, тяготевшая над семьей Бриссо, и даже Уильям, верный слуга Денисона, перетолковывал слухи, ходившие в Дарлинге, не в их пользу. Ричард несколько раз делал намеки Кларе, чтобы вызвать ее на откровенность, но что она могла ответить? Ей едва исполнилось двенадцать лет, когда это случилось, и воспоминания о тех событиях были очень смутны. К тому же ничто на свете не могло заставить девушку даже мысленно порицать за что-либо мать или отца. И Клара делала вид, будто не понимает этих намеков Ричарда, и тот склонялся к мысли, что она не знает тайны своих родителей.

...Как только гости ушли, мадам Бриссо спросила свою дочь:

– Ну, Клара, что он сказал тебе?

– Ничего нового, мама. Ричард сказал, что хочет о чем-то поговорить со мной, и как можно скорее.

– А ты не подозреваешь, о чем будет этот разговор?

– Я... я не знаю... разве насчет... обстоятельств, которые привели нас сюда.

– И что же ты намерена ответить ему?

– Ничего, мама. Я ведь была тогда совсем ребенком...

Мадам Бриссо вздохнула.

– Да, дитя мое, мы были несчастны, но наши несчастья не могут заставить нас краснеть. Недоразумение, опрометчивость человека, всегда бывшего раздражительным и вспыльчивым, явились причиной наших несчастий... Если Ричард Денисон когда-нибудь заговорит с тобой об этом, скажи ему, чтобы он обратился ко мне, я расскажу ему всю правду. Он все правильно поймет, я в этом уверена. Но и ты должна быть со мной откровенна. Скажи, если Ричард Денисон наконец решится и будет просить у меня твоей руки, должна ли я отказать ему?

– Ах, мама! – прошептала Клара, покраснев. – Я ни к кому не чувствую столько уважения и привязанности, как к нему. Однако он так холоден, так рассудителен...

– А, вот что! – рассмеялась мадам Бриссо. – Он холоден! Подумай, моя милая, ведь Денисон, во-первых, англичанин, во-вторых, судья – разве это не причина для того, чтобы он был всегда серьезен и осторожен? Конечно, французы не так рассудительны, ослепленные страстью, они могут потерять власть над собой... Кстати, дочь моя, – продолжала она, как будто забыв главный предмет разговора, – что ты думаешь о виконте де Мартины, этом смелом молодом человеке, который пренебрег столькими опасностями?

Может быть, мадам Бриссо, говоря таким образом, хотела испытать свою дочь, возможно также, что она сама восторгалась своим новым знакомым. Как бы то ни было, Клара не заставляла ждать ответа.

– Мама, как ты можешь сравнивать Ричарда Денисона, столь честного, столь справедливого, столь преданного, с этим авантюристом, который любит только золото и удовольствия? Слава Богу, в нашем отечестве можно найти молодых людей, более достойных сравнения с Ричардом.

Мадам Бриссо с улыбкой слушала дочь, накручивая на тонкие пальцы шелковистые локоны.

– Я думаю, что ты права, моя милая, – ответила она, – добродетели судьи предпочтительней блистательных недостатков авантюриста, которые могли бы ослепить легкомысленных женщин... Но ты мне не ответила: что должна я отвечать, если Денисон будет просить у меня твоей руки?

Клара потупила глаза и бросилась на шею матери, прошептав:

– Я сделаю то, что папа и ты посоветуете мне.

– Я знаю, что это значит, – грустно сказала мадам Бриссо, прижимая к себе дочь. – Прощай, дитя мое... Пора спать, я должна завтра пораньше встать, чтобы написать твоему отцу до открытия магазина... Ты уносишь с собой этот алмаз? Откуда у тебя страсть к алмазам, дочь моя?

Клара смутилась.

– Боже мой, мама, признаюсь, я уступила чувству любопытства, но завтра я верну этот камень его владельцу без всякого сомнения, как будто это не алмаз, а один из тех камешков, из которых Рэчел составляет коллекции.

– Ладно, ладно, не красней так.

– Все-таки приятно хоть на несколько часов почувствовать себя владельцем алмаза стоимостью в двенадцать тысяч долларов. Смотри, не потеряй его, дорогая. Спокойной ночи!

Они поцеловались и разошлись по своим комнатам, которые находились рядом.

Клара, забравшись в постель, думала о словах Ричарда, об их будущем браке, потом ей вспомнились ягуары и медведи, о которых говорил Мартины. Она испуганно зажмурилась, укрылась одеялом с головой и заснула.

Рано утром Клара была уже на ногах. Солнечные лучи прокрались в ее комнату, несмотря на китайскую штору, закрывавшую окно. Клара, еще в ночной рубашке, открыла дверь и вышла на галерею, чтобы посмотреть на солнце – как она намеревалась – алмаз Мартины.

С галереи открывался прекрасный вид, и Клара не могла не полюбоваться несколько минут пейзажем.

На горизонте вырисовывалась цепь синеватых гор, окружавших равнину. Вдоль дороги тянулись поля пшеницы и виноградные плантации. Далее виднелись огромные загоны для быков. В этот ранний час от животных поднимался пар, белый и легкий, как туман, между тем как их хозяева верхом на лошадях, с длинными хлыстами в руках, скакали вокруг загорожек, чтобы удостовериться, что ни одно животное не потерялось ночью.

У самых ног Клары раскинулся сад. Деревья, сильно разросшиеся, защищали дом от жгучих лучей солнца. Под тенью их веток было прохладно даже в самые знойные дни. Клара очень любила этот сад, в котором арбузы, бананы и ананасы росли возле персиковых деревьев, смородины, груш, привезенных из Европы. Вдоль дорожек цвели растения, найденные Рэчел Оинз в ее ботанических прогулках, и восхитительное благоухание исходило от венчиков с причудливыми формами. Попугаи всех цветов, какаду, вместе с сороками, которые мало отличались от европейских сорок, прыгали на деревьях.

Клара, наклонившись, заметила две или три птицы неизвестной породы с ярким оперением. Они поспешно улетели, увидев ее, но, спрятавшись в листве, обнаруживали свое присутствие пронзительными криками.

Рассеянно взглянув на алмаз, Клара снова принялась наблюдать за прелестными птицами. Время от времени они вспархивали на ветви мимозы, и тогда можно было рассмотреть их. Они были величиной с жаворонка, с коричневым оперением, на крылышках виднелись и белые, и желтые пятна, а шейку украшало розовое ожерелье.

Клара, забыв обо всем, наблюдала за птицами, грациозно перелетающими с дерева на дерево, пока не раздался голос Семирамиды, звавшей ее. Клара тотчас вернулась в комнату и наскоро оделась, чтобы отправиться в магазин. Однако прежде она заглянула в комнату матери.

Мадам Бриссо уже встала.

– Посмотри, чего хочет Семирамида, – сказала она, целуя дочь. – Верно, виконт де Мартиньи пришел за письмом и за своим алмазом. Порядочному человеку не пристало являться к дамам так рано, но виконт сделался немножко дикарем, странствуя по миру... Побудь с ним в магазине, дитя мое, пока я закончу свой туалет и напишу письмо к твоему отцу.

Клара скорчила недовольную гримаску, потому что туалет матери был делом важным, требовавшим много времени. Стало быть, Кларе не меньше часа придется занимать виконта. Однако она безропотно поспешила в магазин.

В самом деле, виконт де Мартиньи уже был там. Привязав лошадь к дереву перед домом, он сидел на груде товаров, скрестив ноги, и подшучивал над старой Семирамидой, которая не совсем понимала его шутки, но тем не менее хохотала, показывая ряд белых и ровных зубов.

При виде девушки Мартиньи весело приветствовал ее. Клара извинилась за мать и попросила виконта немного подождать. Он с увлечением принялся рассказывать о Париже, о своих путешествиях, о своих планах. Надо отдать должное: Мартиньи умел оживлять разговор замечаниями тонкими и деликатными, и Клара слушала его с удовольствием. С тех пор, как они поселились здесь, она не имела случая разговаривать ни с одним из своих соотечественников, принадлежащих к избранному обществу, и теперь находилась под очарованием веселой живости беседы с виконтом.

Незаметно разговор зашел об алмазе.

– Кстати, виконт, – сказала Клара, – пора возвратить вам ваш великолепный алмаз... Подождите пять минут, пока я схожу за ним в свою комнату, где он остался.

– Не к чему торопиться, – беспечно ответил Мартиньи. – Ни за какие алмазы на свете я не хотел бы лишиться вашего общества. Вы видели, как он играет в солнечных лучах?

– У него действительно несравненный блеск. Благодарю вас за то, что вы исполнили мой каприз, но позвольте мне возвратить вам алмаз.

– Постойте, прошу вас! Мне пришло на ум... Вам, кажется, понравился этот алмаз и вы, наверное, очень хотите иметь его?

– Вовсе нет, виконт!

– Не отпирайтесь! Вы не были бы женщиной, вы не были бы француженкой, если бы не думали о том, что, имея вы подобное украшение, какую зависть возбудили бы в других женщинах. Я видел, как блестели ваши глаза, когда вы смотрели на него, я видел, как ваша рука дрожала, когда вы держали алмаз. Мадемуазель Клара, от вас зависит, быть ли его обладательницей.

– Виконт, по какому праву вы предлагаете мне подобный подарок и по какому праву я могу принять его?

– Пусть вас не оскорбляет мое предложение, милая Клара. Мои намерения честны, и я не побоюсь признаться в них в присутствии ваших родителей. Выслушайте же меня. Да, я гоняюсь за богатством, и хотя еще не потерял надежды, но эта странствующая жизнь тяготит меня, а теперь, когда я увидел вас, она делается мне совершенно нестерпимой, потому что я понял, как печально мое одиночество, и начинаю понимать, что есть вещи гораздо предпочтительнее богатства... Вы знаете мое имя и мой титул, мадемуазель Клара, прибавлю, что не бесславные причины побудили меня оставить родину. Мне легко будет доказать это и, хотя я не всегда был щепетилен в способах добывания денег, но никогда не нарушал чести... Ответьте мне откровенно: хотите, чтобы мои путешествия кончились и чтобы алмаз – предмет вашего тайного желания – принадлежал вам?

Клара с изумлением выслушала это странное и неожиданное предложение.

– Что вы хотите сказать, виконт? – прошептала она. – Я без сомнения, не так вас поняла...

– Извините меня, если я говорю без обиняков и предисловия, которые приняты во Франции, – в продолжительных путешествиях я от этого отвык. Итак, я спрашиваю вас: согласны ли вы сделаться виконтессой де Мартиньи?

Клара вырвала свою руку, которую сжимал виконт.

– Милостивый государь, – произнесла она холодно, – я уже почти невеста другого, кроме того, вы преувеличили цену своего алмаза. В моих глазах он стоит не более, чем любая другая блестящая вещица, которая может позабавить ребенка. И в доказательство этому я поспешу вернуть его вам.

Мартиньи заметил, что она без малейших колебаний отказала ему.

– Ну что же, – сказал он сухо, – может быть, не следовало бы с таким пренебрежением отвергать предложение виконта де Мартиньи. Но воля ваша...

Клара была поражена горечью этих слов и хотела было смягчить жестокость своего отказа, но вовремя одумалась и поспешила в свою комнату.

Она была так взволнована, что не сразу вспомнила, куда положила алмаз. Только выйдя в галерею, Клара спохватилась. Да, конечно, она оставила камень здесь, услышав зов Семирамиды. Каковы же были ее удивление и ужас, когда она не нашла алмаза на том месте, куда его положила! Девушка подумала было, что отнесла его в свою комнату, и перерыла все свои вещи – алмаза там не оказалось. Она старательно обыскала всю галерею, но и там алмаза не было.

Он мог упасть в сад! Может быть, сама Клара нечаянно смахнула его.

Клара побежала в сад и принялась искать под галереей. Земля здесь была гладкая и ничто не могло скрыть вещь, упавшую с галереи. Но напрасно Клара, наклонившись к земле, рассматривала каждую песчинку – алмаз не обнаруживал своего присутствия блеском под лучами солнца, уже высоко поднявшегося.

IV. Условия

Устав от бесполезных поисков, бледная, задыхающаяся, Клара была близка к истерике. И тут ей в голову пришла спасительная мысль: может быть, мать из любопытства или для того, чтобы наказать ее за небрежность, взяла алмаз? Клара поспешила в комнату матери.

В эту минуту мадам Бриссо, закончив одеваться, села за письменный стол и собиралась писать мужу – операция не менее трудная и не менее деликатная, чем ее туалет. Клара, войдя в комнату, постаралась придать твердость своему голосу.

– Мама, ты не видела алмаза виконта де Мартиньи? – спросила она.

Мадам Бриссо вздрогнула.

– Алмаз? – воскликнула она. – Что ты говоришь, дочь моя? Великий Боже! Не затерялся ли он?

Клара побледнела.

– Не беспокойся, – пролепетала она. – Он не может потеряться... Я его найду.

– Ты найдешь? Стало быть, ты не знаешь, где он?

Мадам Бриссо хотела встать, но ноги у нее подгибались.

– Мама, не беспокойся! – повторила Клара. – Я теперь вспомнила, что оставила его в моей комнате... на столе. Успокойся, через несколько минут алмаз будет в руках виконта де Мартиньи.

И она поспешно вышла.

– Дурочка! – пробормотала мадам Бриссо. – Как она меня напугала!

Немного успокоившись, она посмотрела в зеркало и поправила локон.

Между тем бедняжка Клара высказала уверенность, которой у нее не было. Она уже искала повсюду, где только можно, пропавшее сокровище и уже повторные поиски казались ей бесполезными. Когда девушка вернулась в свою комнату, она была близка к тому, чтобы убежать в пустыню и погибнуть там от голода и жажды. Только религиозное чувство и мысль о горе, которое этот отчаянный поступок причинит ее родителям, помешали ей поддаться этому искушению. В отчаянии Клара опустилась на колени и начала молиться.

Постепенно способность здраво рассуждать вернулась к ней... Прошло полчаса, пока она искала алмаз, и Мартиньи, должно быть, очень удивляется ее продолжительному отсутствию. Необходимо спуститься к нему!.. Но что ему сказать особенно после того, как она так его оскорбила? Однако колебаться было невозможно, надо признаться ему в истине, обратиться к его великодушию, умолять о сострадании. И Клара решилась...

Когда она вошла в магазин, вся дрожа и едва держась на ногах, виконт сказал ей с иронией:

– Несмотря на ваши уверения, вы, однако, с трудом решаетесь расстаться с алмазом. Ваша медлительность служит этому доказательством.

– Если уж надо признаться... – ответила несчастная Клара, у которой все плыло перед глазами. – Если уж невозможно от вас скрывать... алмаз... я не помню, где он...

Она замолчала, задыхаясь от душивших ее слез. Мартиньи наблюдал за ней с подозрительным любопытством.

– Объяснитесь, – сказал он. – Где алмаз, который я отдал вам?

– Я... я потеряла его, – прошептала Клара, упав на стул и закрыв лицо руками.

– Вы потеряли его? – недоверчиво переспросил Мартиньи.

Клара, сделав над собой усилие, рассказала в нескольких словах, как она оставила алмаз в галерее, как он вдруг исчез и как, наконец, несмотря на самые тщательные поиски, она не смогла его найти.

Мартиньи долго молчал.

– Ну и что же вы намерены сделать для того, чтобы вознаградить меня за эту странную потерю? – наконец спросил он.

– Ах, откуда я знаю? – Клара уже не могла сдерживать слезы. – О, виконт, сжальтесь надо мной!

– Сжалиться над вами? – повторил Мартиньи. – Какую же жалость я могу иметь – позвольте вас спросить – к... к поступку такого рода? Мой алмаз, мое единственное богатство, цена шестилетних путешествий, трудов, опасностей! И вы воображаете, что довольно сказать мне: «Я его потеряла», чтобы я, ни на чем не настаивая, сел на лошадь и продолжал свой путь, не думая о потерянной безделушке? Конечно, это было бы верхом рыцарства, но мадемуазель Бриссо не может надеяться, что дело кончится таким образом.

– Боже мой, – сказала Клара, молитвенно сложив руки, – чего вы требуете от меня? Что я должна сделать?

– Я требую, чтобы мне возвратили мой алмаз или заплатили его стоимость, – ответил Мартиньи.

– Без всякого сомнения, мой отец и моя мать согласятся заплатить вам, даже если бы им пришлось заложить все, что они имеют... Но дайте мне, по крайней мере, время, чтобы подготовить их к этому несчастью. Хотя отец очень меня любит – я опасюсь его гнева... С другой стороны, моя мать – женщина нервная, и внезапное волнение может пагубно сказаться на ее здоровье. Дайте мне отсрочку, чтобы я могла рассказать им об этом происшествии с надлежащей осторожностью. Я прошу у вас только несколько дней.

– Я понимаю вас, Клара, но время не ждет. Я должен отправиться на прииски. Каждый час уменьшает для меня благоприятные шансы.

– Мсье Денисон, если я его попрошу, не откажет оказать вам гостеприимство еще на несколько дней, пока я не найду алмаз, или... Или мне придется признаться в моем проступке родителям.

– Вы кажется, очень уверены в Денисоне, не так ли? К несчастью, я не могу вернуться в его дом. Сегодня он опять позволил себе читать мне нравоучения насчет того, как порядочный человек должен зарабатывать деньги, а поскольку я нравоучений не люблю, то мы расстались не лучшим образом.

Клара была бледна, как мел.

– Но чего же вы ждете от меня, виконт? – еле слышно спросила она.

– Я уже отвечал на этот вопрос. Я хочу, чтобы мне возвратили мой алмаз или заплатили его стоимость.

– Но и то, и другое невозможно в эту минуту.

– Тогда я обращусь к судье.

– Судья – Ричард Денисон! Вы забываете, что он друг моих родителей и... мой!

– Я это знаю. Но или я очень ошибаюсь, или он будет справедлив в отношении ваших родителей и вас, мадемуазель Клара. Вчера вечером он видел собственными глазами и другие видели, что я отдал вам вещь очень большой цены. Сегодня утром я прихожу за этой вещью – и вы говорите мне, что потеряли ее... Конечно, вы можете утверждать, будто отдали мне алмаз, когда мы были одни и никто не мог нас видеть...

– Сударь, – перебила его Клара, – вы не имеете права оскорблять меня!

– Если судья оставит без внимания мою жалобу, я, может быть, намекну ему, что много женщин, считающихся честными, чрезвычайно равнодушны к драгоценным безделушкам, к нарядам и что иногда они не могут устоять перед искушением... Я скажу ему, что эта жадность к драгоценностям особенно развита у парижанок. Мне кажется невозможным, чтобы алмаз бесследно исчез подобным образом. Если мадемуазель Клара не сама злоупотребила доверием своего соотечественника, стало быть, есть другая особа, менее разборчивая относительно средств присвоить себе подобное сокровище. В случае, если судья не поверит мне, при-

дется рассказать ему кое о чем. Я находился в Париже во время одного скандального процесса, и моя память сохранила все подробности. Судья узнает таким образом характер и прошлое некоторых особ, с которыми сблизил его случай, и без труда сообразит, на кого должны падать подозрения.

Клара сначала не совсем поняла намеки Мартиньи, но по мере того, как он говорил, ей наконец стало ясно, что виконт подозревает мать в похищении алмаза.

– Виконт, подобное обвинение без доказательств – низость, недостойная честного человека! – воскликнула она, дрожа от негодования.

Мартиньи снисходительно усмехнулся.

– Ваш гнев не может меня оскорбить, мадемуазель. Но не вам должен я сообщить о своих подозрениях, а Денисону, дарлингскому судье, и я сейчас же пойду к нему.

Испуганная Клара ухватила за его рукав.

– Погодите, умоляю вас! Если бы дело касалось только меня одной – я покорила бы, клянусь вам! Но мой добрый отец, моя бедная мать!.. Я ничего не знаю, виконт, об обстоятельствах, на которые вы намекаете, я была ребенком, когда покинула Францию. Но я чувствую, я угадываю, что вы хотите воспользоваться для своей выгоды тайной, которая скрывается в прошлом моих родителей... Пощадите их, умоляю вас! Неужели вам недостаточно, что вы разорите их, потребовав заплатить огромную сумму за ваш алмаз? Будьте великодушны, виконт... Сжальтесь надо мной!

Клара в умоляющей позе была очаровательна, и Мартиньи смотрел на нее с восторгом. По-видимому, он колебался.

Вдруг Клара бросилась вперед, протянув руки и закричав с ужасом:

– Что ты делаешь?!

Виконт обернулся, и вовремя, потому что Семирамида, подкравшись к нему сзади, пока он разговаривал с Кларой, уже занесла над его головой топор.

– Вы огорчать добрую мисс Клару, – сказала негритянка, коверкая английские слова и устремив на Мартиньи свои большие черные глаза. – Вы злой... я вас убить!..

И она исполнила бы задуманное, если бы Клара не успокоила ее ласковыми словами.

Это трагикомическое происшествие развеселило Мартиньи.

– У вас, мадемуазель Клара, телохранитель весьма воинственного нрава, – сказал он. – Но я, кажется, придумал, как все устроить.

– Возможно ли?... Говорите, виконт, какое это средство?

– Не угодно ли вам сесть за ваше бюро и написать несколько слов под мою диктовку?

Клара молча подошла к конторке, села на стул, и, взяв лист бумаги и перо, приготовилась писать.

Мартиньи облокотился на конторку и после нескольких минут размышления продиктовал:

«Я объявляю, что я не возвратила виконту де Мартиньи алмаз, который он поручил мне и который оценивается в шестьдесят тысяч франков. В случае, если я не возвращу ему этот алмаз или указанной выше суммы через три месяца, начиная с сегодняшнего числа, я обязуюсь честью, перед Богом и перед людьми, отдать ему мою руку...»

Клара бросила перо.

– Я никогда этого не напишу! – сказала она твердо.

– Почему?

– Потому что... Ну, если уж надо сказать... Потому что я вас не люблю.

– Зато я вас люблю, прелестная Клара! И мне позволительно воспользоваться моим положением, чтобы упрочить мое счастье.

– Эта внезапная страсть не может быть глубока. Мы виделись вчера в первый раз и едва обменялись несколькими словами. Притом, виконт, вы должны были угадать, что я отдаю предпочтение Ричарду Денисону...

– С вашего позволения, – перебил девушку Мартиньи, – это предпочтение кажется мне невозможным. Вы, живая, пылкая француженка, не можете любить флегматичного англичанина, этого чопорного судью, набитого нравственными сентенциями и судебными афоризмами! Я скорее поверю соединению огня с водой. Нет, вы не можете любить этого человека. С другой стороны, между вами и им явится более препятствий, чем вы думаете, в тот день, когда он узнает некоторые подробности, относящиеся к вашему семейству...

– Сударь, тот, о ком вы говорите, человек честный, и я верю в его привязанность, поэтому и решилась отвергнуть ваше предложение.

– Ну, как угодно. Стало быть, я все расскажу Денисону, и если он так честен, как вы говорите, то он, конечно, воздаст вам по справедливости.

Эти угрозы опять растревожили Клару. Она знала строгие правила молодого судьи. Ее легкомысленный поступок, конечно, должен был произвести на него самое неблагоприятное впечатление. С другой стороны, обвинения Мартиньи против ее родителей, приведут, без сомнения, к полному разрыву между ними и Денисоном, она это чувствовала. В обоих случаях Денисон будет потерян для нее.

Клара, быстро все взвесив, решила, что должна во что бы то ни стало, даже ценой своего счастья, избежать крайностей, которыми угрожал ей Мартиньи.

– Виконт, – сказала она, – вы безжалостны, но дай Бог, чтобы мы с вами не пожалели об обязательстве, к которому вы принуждаете меня.

И она написала требуемую фразу.

– Клара, – произнес виконт с волнением, – неужели это условие так огорчает вас? Когда-то в Париже не одна знатная женщина бросала на меня нежные взгляды, и в этой грубой стране, среди людей, привлекаемых сюда жадой золота, вы не могли бы найти кредитора более снисходительного... Я хочу дать вам доказательство, что не совсем лишен великодушия, – прибавил он. – Пишите: «Если эта бумага не будет предъявлена мне через три месяца лично самим виконтом де Мартиньи, с меня будут сняты все обязательства относительно него».

Клара написала.

– Теперь подпишитесь и поставьте число, – продолжал виконт.

Она молча повиновалась.

– Вы меня не благодарите? – шутливо спросил Мартиньи. – Разве вы не понимаете важности этого последнего пункта? Через три месяца, без сомнения, найдется алмаз, если он действительно был потерян, и в таком случае вам достаточно будет возвратить его мне. Если же он не найдется, а я или по болезни, или по какой-то другой причине не успею сам предъявить вам эту бумагу в назначенный срок, то буду лишен всех своих прав. В случае моей гибели сделаетесь моей наследницей... Ах, Клара, неужели вы будете желать, чтобы моя смерть освободила вас от моих докучливых требований?

– Я не желаю ничьей смерти, виконт, и, может быть, действительно должна благодарить вас за ваше снисхождение. Но я надеюсь, что ваш алмаз скоро будет возвращен вам, и тогда эта бумага не будет иметь никакой цены. Возьмите ее, – прибавила она, – не недостает ли в ней еще чего-нибудь?

Виконт быстро прочитал расписку.

– Прекрасно, – сказал он. – Я знаю, что подобное условие не может иметь во Франции никакого значения, но мы здесь, в английской колонии, а английские законы допускают подобные сделки... Теперь, – прибавил Мартиньи с довольным видом, – я постараюсь не быть убитым в ссоре с золотоискателями, не умереть от простуды или от укуса черной змеи, чтобы иметь возможность предъявить эту бумагу, когда настанет срок.

Клара хотела ответить, но в этот миг в магазин вошла мадам Бриссо, наряженная старательнее обыкновенного, несмотря на ранний час. Она заметила волнение своей дочери и видела, как Мартиньи спрятал бумагу.

– Что здесь происходит? – спросила она.

Семирамида поспешно подошла к ней.

– Миссис, – сказала она, указывая на Мартиньи, – он злой, он заставляет плакать мисс Клару, велел ей писать, а потом взял у ней бумага.

Клара смутилась и потупила глаза, но виконт не потерял присутствия духа.

– Право, – улыбнулся он, – вашей негритянки надо остерегаться. Она чуть было не убила меня топором, только за то, что я рассказывал мадемуазель Кларе трогательную историю, и теперь она вздумала жаловаться! Мадемуазель Клара отдала мне записку к своему отцу.

– Но Клара, напротив, очень хорошо сделала, что решила написать отцу. Это доставит большое удовольствие моему мужу, у которого столько хлопот с этими неугомонными золотоискателями. Извините Семирамиду, виконт, она не отличается большим умом, хотя очень добра.

Она отослала Семирамиду, которая ушла, ворча.

– А я уже Бог знает что подумала, увидев расстроенное лицо Клары, – продолжала мадам Бриссо. – Дочь моя, ты возвратила алмаз виконту, не правда ли?

У бедной девушки не хватило смелости солгать матери. Мартиньи опять поспешил ей на помощь.

– Мне нечего более требовать, – сказал он. – Позвольте мне проститься с вами. В вашем гостеприимном доме я очень приятно провел время. Однако мне предстоит проехать сорок миль, чтобы добраться до приисков. Ваше письмо готово?

– Вот оно, виконт. Я особенно рекомендую вас моему мужу. Со своей стороны, не откажите оказать ему все услуги, какие могут зависеть от вас, потому что там очень нуждаются в порядочных людях. Прощайте, виконт, желаю вам счастья. Соберите там побольше слитков золота! Верно, мы вас после этого увидим?

– Через три месяца, день в день, – ответил Мартиньи, глядя на Клару.

Он простился с женщинами, сел на лошадь и ускакал.

V. Объяснение

Клара очень страдала в то утро, и страдала вдвойне, потому что вынуждена была скрывать правду от матери. К счастью, мадам Бриссо, занятая покупателями, не замечала волнения своей дочери. Несколько раз Клара убегала потихоньку искать алмаз в своей комнате, на галерее, в саду, но эти поиски, как и прежде, оставались безрезультатными. Исчезновение камня было непонятно и походило на чудо.

Однако Клара, пытаясь найти объяснение этому странному приключению, в конце концов немного успокоилась. Впереди было три месяца, и эта отсрочка казалась ей вечностью. С другой стороны, она помимо своей воли думала о том, что какая-нибудь случайность могла избавить ее от притязаний. Смертность среди золотоискателей была необыкновенно высока. Ссоры, злоупотребление спиртными напитками, лишения, нездоровый климат косили людей, и виконт действительно мог умереть до назначенного срока. Но Клара гнала от себя эти мысли. Она предпочитала положиться на провидение, которое, быть может, возвратит ей алмаз. При этом Мартиньи, несмотря на цинизм и жестокость, возможно, притворную, оставался, как ей казалось, деликатным человеком, и Клара надеялась, когда наступит срок, воззвать к его благородству.

Размышляя таким образом, она сидела на своем обыкновенном месте за конторкой, когда кто-то вошел в магазин. Звук знакомого голоса заставил Клару вздрогнуть.

Молодой судья был в черном фраке, хотя едва наступил полдень. Поклонившись мадам Бриссо, он подошел к девушке и, взяв ее за руку, сказал:

– Здравствуйте, мисс Клара.

– Здравствуйте, мсье Денисон.

Несмотря на внешнюю холодность этой встречи, молодые люди были взволнованы. Рука Клары лихорадочно горела, рука Ричарда слегка дрожала.

Судья смущенно произнес:

– Позвольте поговорить с вами наедине, миссис Бриссо.

– К вашим услугам, мсье Денисон. Клара, дитя мое, позаботься, чтобы Семирамида во время моего отсутствия не наделала слишком много глупостей. Господин судья, прошу сюда.

И они прошли в смежную комнату.

Кроме неопределенных звуков, Клара, как ни прислушивалась, не могла разобрать ни слова. В тревоге она размышляла о вероятном предмете разговора между Ричардом и матерью.

Неожиданно ее внимание привлек громкий голос Семирамиды. Негритянка бранила кого-то. Ей отвечал хрипло-грубый голос туземца.

– Чего вы хотите? – говорила Семирамида на своем дурном английском. – Я вас не понимаю... Вы недостойны говорить с такой женщиной, как я... Вы воротитесь поскорей к себе, или я приколочу вас, злой дикарь!

Однако австралиец не обратил внимания на этот формальный отказ и произнес не без некоторых усилий:

– Мисс... Клара.

Клара поспешно встала и направилась к двери магазина.

– А, это туземец, которого я называю Волосяной Головой, – сказала она. – Что это ты вздумала, Семирамида, мучить бедного человека? Или ты забыла, что я покровительствую ему с того дня, как он перевез нас в своей лодке через разлившуюся реку? Дай ему рюмку водки, пока я узнаю, чего он хочет.

– Я не стану прислужить дикарю, – пробурчала Семирамида, но тем не менее все-таки пошла за бутылкой водки и рюмкой с видом обиженной принцессы.

Волосая Голова, как его называла Клара, был одним из австралийских аборигенов, которые жили неподалеку от колонии. Ему было лет пятьдесят. Густые волосы, как и нечесаная борода, поседели, руки и ноги его были чрезвычайно худы. Весь костюм его составлял плащ, из шкуры кенгуру, и то, вероятно, он надел его, только отправляясь в город, потому что обычно его земляки не носят никакой одежды. Татуировка покрывала тело туземца. Вид у него был свирепый, а в руке он держал несколько копий. При виде Клары Волосая Голова начал делать судорожные скачки – род пляски, вероятно, выражавшей его радость при виде очаровательной европейки.

Австралийцы время от времени приходили в город выпрашивать еду или какую-нибудь безделицу. Колонисты, относившиеся к ним с состраданием, спешили удовлетворять их желания, после чего те возвращались в свои хижины. Волосая Голова, хотя и был главой немногочисленного племени, чаще всего появлялся на улице Дарлинга. Имев случай оказать Кларе и ее отцу незначительную услугу, он приходил время от времени в магазин, чтобы выпросить у них что-нибудь из пищи, рюмку водки, гвоздь или кусок веревки, чтобы подвязать плащ.

Поэтому Клару несколько не испугало его появление. Она, улыбаясь, подошла к туземцу и спросила, чего он хочет. Волосая Голова отвечал невнятными звуками.

Тогда Клара показала ему попеременно разные вещи, находившиеся в магазине: одежду, охотничьи и рыболовные снасти, глиняные и деревянные сосуды, но австралиец качал головой. Наконец он внятно произнес несколько раз: «Г-и-с-с-о».

Клара опять не поняла, но Семирамида, которая, несмотря на свое презрение к австралийским туземцам, несколько лучше знала их привычки и их язык, пояснила:

– Мисс Клара, «гиссо» на языке этих дикарей значит черная змея... Злая черная змея! Укусит человека – умереть через минуту.

– Но не черную же змею пришел просить у нас Волосая Голова? Мы, как говорит отец, «не держим этой статьи».

Однако ей вдруг пришла в голову одна мысль! Она вспомнила, что из всех вещей, которыми дорожат австралийцы, самая драгоценная в их глазах – железная палочка. Не то, чтобы она нужна была им в качестве оружия. Они довольствовались с этой целью копьями и бумерангами – странным приспособлением, возвращающимся в руку того, кто его бросил. Нет, палочка служила туземцам амулетом. Ее владелец считает, что она предохраняет его от укуса черной змеи, которой панически боялось местное население. Некоторые австралийцы отдали бы все, что имели, чтобы владеть такой палочкой.

Как только Клара догадалась о желании своего приятеля, отправилась на склад, где хранилось старое оружие, и отыскала там мушкет, вероятно, принадлежавший какому-нибудь французу, и, сняв с него сошку, отдала ее. Взяв палочку в руки, он завертел ее над головой, обнаруживая сильнейшую радость. Он хохотал, плясал, испускал неистовые крики, не переставая вертеть драгоценную палочку.

Наконец, желая дать понять Кларе, каким образом он будет пользоваться амулетом, Волосая Голова с помощью пантомимы изобразил борьбу с черной змеей. Он подражал ее свисту, вставал в оборонительное положение, наклонившись вперед и застыв с палочкой в руке. Когда змея, по-видимому, бросилась, палочка описывала в воздухе полукруг, змея падала, и Волосая Голова подражал ее судорожным движениям на земле. Наконец голова пресмыкающегося была отрезана – и победитель праздновал пением и пляской свою воображаемую победу.

Клара очень хорошо уловила смысл этой пантомимы. Видя, что туземец запыхался и весь в поту, она сделала знак Семирамиде подать ему рюмку водки. Песок в пустыне не поглотил бы скорее этой капли водки – так быстро выпил ее Волосая Голова. Он охотно выпил бы и другую рюмку, и Клара не отказала бы ему, но Семирамида возразила, спрятав бутылку:

– Нет, нет, мисс Клара, не надо напоить его. Когда он напился, он сбесится, и что тогда будет делать мы, бедная женщины?

Волосая Голова, впрочем, не обиделся, тем более что Семирамида сходилa в кухню за остатками холодной говядины и хлеба, которые он тотчас же съел с жадностью. Клара начала находить его посещение слишком продолжительным, когда австралиец сам, по-видимому, решил, что ему пора возвращаться. Но прежде чем удалиться, он подошел к Кларе и произнес длинную речь, в которой несколько английских слов были потоплены в нечленораздельных звуках. Правда, по его выразительным жестам можно было понять, что он благодарен Кларе за ее щедрость и предлагает посетить его деревню. Чтобы уговорить ее не отказываться от приглашения, Волосая Голова описал, какую превосходную охоту на кенгуру устроит он в ее честь, как займет ее ловлей угрей, перечислил кушанья из муравьев, которыми намеревался угостить ее. Он даже обещал поспорить с соседним племенем и продемонстрировать своей молодой гостье зрелище битвы, в которой он отрежет неприятельскому начальнику голову и поднесет ее Кларе.

Семирамида громко хохотала, наблюдая за его ужимками.

– Конечно, конечно, – говорила она сквозь смех, – когда-нибудь мисс Клара наденет лучший кринолин и шляпу с цветами и придет к тебе в гости, а я буду нести за ней зонтик и веер, наряжусь в красное платье и желтый фуляровый платок, чтобы познакомиться с твоей женой и твоими детьми.

Вряд ли Волосая Голова понял хотя бы слово, но Клара сказала негритянке:

– Полно, Семирамида, не унижай этого несчастного. Он хочет выразить нам свое уважение, и не его вина, если его обращение не походит на наши обычаи. Кто знает, может быть, через несколько дней он будет иметь случай доказать мне свою признательность не такими странными средствами...

Она дала австралийцу три цветных платка для его жены и детей, после чего он наконец покинул магазин.

Появление Волоса́й Головы отвлекло Клару от ее горестей, однако она удивилась, что его неистовые крики не привлекли внимания матери и Ричарда Денисона. Видимо, разговор шел о чем-то весьма важном. Впрочем, Клара скоро узнала, что он касался и ее, потому что мадам Бриссо позвала дочь. Оставив в магазине Семирамиду, она поспешила на зов матери.

У мадам Бриссо глаза покраснели от слез, а Ричард Денисон выглядел спокойным и довольным. Клара, дрожа, села напротив матери.

– Что это за крик слышала я сейчас, Клара? – спросила мадам Бриссо. – Не приходил ли кто из этих попрошайек туземцев?

Клара передала ей в нескольких словах, зачем Волосая Голова явился в магазин.

– Конечно, мы не обогатимся подобной торговлей, но эти бедные люди так жалки! – вздохнула мадам Бриссо.

– Из политических соображений следует приучать этих людей, насколько возможно, к цивилизации, – сказал Денисон. – Конечно, мисс Клара не заботится о политических причинах, она только следует велению своего доброго сердца.

– Да, да, она добра, – кивнула мадам Бриссо, – и у вас будет...

Она, не договорив, улыбнулась и продолжала:

– Я имела объяснение с мистером Денисоном, дитя мое. Я ничего от него не скрала; он теперь знает о наших несчастьях и выразил мне свое сочувствие. Он желает немедленно привести в исполнение некоторые планы, очень лестные для нас... о которых, быть может, ты догадываешься.

Клара робко взглянула на мать. Неужели она все рассказала судье, столь дорожившему общественным мнением?

Клара была далека от мысли, что ее мать, искусно распространяясь об одних подробностях, о других упомянула лишь вскользь, придав происшествию такой смысл, которого на самом деле они не имели. Женщины – большие мастерицы в этом искусстве. И мадам Бриссо,

не прибегая ко лжи, ловко представила себя несчастной жертвой судьбы. Этот рассказ, переданный трогательным тоном женщиной, еще красивой и заливающейся слезами, произвел должное впечатление на Ричарда Денисона. Хотя его профессия должна была бы заставлять его относиться с долей недоверия к подобным признаниям, но он был молод, склонен к состраданию и думал только об обстоятельствах, оправдывавших супругов Бриссо.

Клара еще несколько дней назад была бы очень рада узнать, что никаких препятствий к их браку не существует, но теперь сердце ее в страхе сжималось.

– Милая Клара, ваша мать рассказала мне о горестных происшествиях, заставивших ваше семейство покинуть Францию, – сказал Денисон, взяв ее за руку. – Я знаю, что на вашей родине существует некоторое предубеждение против людей, подвергшихся суду, но мы, англичане, особенно в колонии, не разделяем этих предрассудков. Ваш отец, может быть, поступил слишком опрометчиво, но все-таки он порядочный человек. Что же касается вашей матери, столько выстрадавшей и выдержавшей столько жестоких испытаний, то я гордился бы быть ее сыном.

– А я, мсье Денисон, – со слезами в голосе, произнесла мадам Бриссо, – я была бы для вас любящей и преданной матерью. Вы первый человек, ставший нашим другом здесь, и, наверное, муж чрезвычайно обрадуется, узнав... Но для того, чтобы стать нашим сыном, вам прежде надо получить согласие Клары... Что ты об этом думаешь, дорогая? Хочешь ли ты, чтобы мсье Денисон соединился с нами родственными узами? Излишне говорить, что это зависит от тебя одной.

Мадам Бриссо, говоря таким образом, не сомневалась в ответе дочери. Каково же было ее изумление, когда Клара, закрыв лицо руками, зарыдала.

– Боже мой, Клара! – воскликнула она. – Что с тобой?

Денисон побледнел.

– Мисс Клара, как я должен понимать эти слезы? Не имел ли я некоторых причин надеяться...

– Ричард, и ты, мама, прошу, не расспрашивайте меня, – прошептала несчастная девушка. – Но теперь наш брак невозможен.

Денисон и мадам Бриссо недоуменно переглянулись, стараясь понять причину такого внезапного решения.

– Это непостижимо! – вскричала мадам Бриссо. – Клара, что изменилось со вчерашнего вечера? Если мне не изменяет память, вчера ты была готова принять предложение господина Денисона.

– Повторяю, мама, не расспрашивай меня. Да, до вчерашнего дня я с удовольствием принимала знаки внимания мсье Денисона и не отвергала надежды... но с тех пор... Одно обстоятельство... О, пощадите меня, я страдаю... Я так страдаю!

И Клара почти лишилась чувств. Пока мадам Бриссо хлопотала около нее, Денисон мрачно размышлял.

– Эта перемена, без сомнения, вызвана появлением авантюриста! – воскликнул он, хлопнув себя по лбу. – Не зря мне показался подозрительным этот человек, привыкший играть благородными чувствами и думающий только о богатстве. Сегодня утром, когда он снова попытался развить свою теорию, я возразил ему довольно резко, но он того заслуживал. Мартиньи, без сомнения, затаил злобу... Но благодаря какому адскому искусству удалось ему поразить меня в самое уязвимое место? Какую ложь, какой гнусный способ употребил он, чтобы изменить, таким образом, чувства мисс Клары?

Ричард Денисон, обыкновенно невозмутимый, говорил с жаром, который свидетельствовал о том, что холодность судьи была только качеством, так сказать, принадлежащим к его званию.

– Вы угадали правду, мсье Денисон, – ответила мадам Бриссо. – Без сомнения, наш соотечественник, которого мы так дружески приняли, вскружил голову моей дочери. Утром Семи-

рамида рассказала мне, что он довел Клару до слез. Ради Бога, дочь моя, скажи, что произошло между тобой и виконтом де Мартиньи? Говори откровенно, ты ничего не должна скрывать от своей матери. Да, да, этот виконт виновник всему! Искатель приключений, мошенник! Как я жалею, что дала ему рекомендательное письмо! Держу пари, что он даже не виконт.

– Не судите слишком строго о нем, – сказала Клара. – Надеюсь, он не заслуживает таких слов.

– Она еще его защищает! Слышите ли вы? Она его защищает! – не выдержал Денисон. – Да, я начинаю догадываться об истине: этот француз молод, хорош собой, он умеет красиво говорить – качество, которое так ценят в вашей стране, он имеет титул, прекрасное имя – так, по крайней мере, он говорит, – не будучи богат, он обладает алмазом значительной цены, который так прельстил мисс Клару, что она захотела оставить его до следующего дня, чтобы налюбоваться им вдоволь... Блестящие качества виконта де Мартиньи заставили ее забыть ничтожного английского судью. Да, сравнение, без сомнения, было убийственно для меня, и мисс Клара с неблагодарностью, на которую я считал ее неспособной...

Слезы выступили у него на глазах. Он встал и большими шагами начал ходить по комнате.

– Вы несправедливы ко мне, мсье Денисон, – прошептала Клара. – Бог свидетель, вы несправедливы! Нет, я вас не обманывала, оказывая вам предпочтение, которого вы заслуживаете. И если бы я была свободна следовать велениям своего сердца...

– Свободна? – повторил судья. – Как же это? Разве вы не свободны?

– Я не то хотела сказать, – смутилась Клара, поняв, что проговорила. – Но важные причины, которых, к несчастью, я не могу открыть...

– Это что значит, Клара? – спросила мадам Бриссо. – Что за тайны у тебя могут быть от матери? Ты должна назвать нам эти причины, столь неожиданно возникшие. Говори, Клара, я приказываю тебе!

– Умоляю, мама, не расспрашивай меня! Я не могу, я не должна объяснять, какому чувству повинуюсь. А вы, мсье Денисон, не настаивайте, чтобы я объяснила вам причины своего молчания.

– Хорошо, мисс Клара, – делая над собой усилие, ответил судья. – Я не хочу мучить вас и буду думать, что причины, о которых вы говорите, действительно для вас очень важны. Я присоединю свои просьбы к вашим, чтобы ваша мать уважала вашу тайну... Только, мисс Клара, умоляю, скажите, неизменно ли ваше решение? Если впоследствии, когда переменятся некоторые обстоятельства, буду ли я иметь право еще надеяться...

– Может быть, – ответила Клара с задумчивым видом.

Лицо Денисона просияло.

– Это правда, мисс Клара? Возможно ли, чтобы вы когда-нибудь переменили это решение, разрывающее мне сердце?

– Не смею утверждать, но, может быть, я недолго стану подвергаться неумолимой необходимости, которой повинуюсь теперь.

– Какой же срок вы назначаете?

– Не знаю. Может быть, завтра, а может быть, сегодня вечером я опять буду вправе располагать собой. Во всяком случае, через три месяца моя участь, так или иначе, будет решена. А до тех пор, умоляю вас обоих еще раз, не мучайте меня расспросами.

– По крайней мере, мисс Клара, можно ли мне будет видеть вас, как прежде? Или вы запретите мне посещения, которыми я так дорожу?

– Приходите, мсье Денисон, если вы этого желаете. Однако было бы благоразумнее, в теперешних обстоятельствах, для пользы нас обоих... Но я не имею уже сил... Сжальтесь надо мной!

И несчастная девушка лишилась чувств.

На следующий день жизнь в доме вошла в свою колею, только Клара была очень бледна. Мать ни о чем больше не спрашивала ее, и только с тревогой наблюдала за дочерью.

По мере того, как проходили дни, недели, Клара становилась все задумчивее. Можно было подумать, что она ожидает какого-то важного известия; когда она работала в магазине, любой шум заставлял ее вздрагивать. Если покупатель неожиданно входил в магазин, она вскакивала, взволнованная и трепещущая. Часто она бродила по дому или в саду с таким видом, будто что-то ищет. Мадам Бриссо, с беспокойством отмечала странности, а Ричард Денисон, приходивший каждый вечер, огорчался этим тем более, что не мог понять причины произошедших с Кларой перемен.

VI. На приисках

Сорок миль, отделявших Дарлинг от приисков, лошадь Мартиньи проделала без труда. Солнце еще не опустилось, когда путешественник достиг цели своей поездки.

По дороге ему то и дело встречались или стадо быков и овец, которых пастухи гнали на прииски, или огромные повозки с товарами и людьми. Так что в спутниках у Мартиньи не было недостатка, но пребывание в Калифорнии заставило его остерегаться дорожных знакомств. Да и люди в повозках, с мрачными физиономиями, казались ему весьма подозрительными и, проезжая мимо них, он машинально подносил руку к револьверу, как будто думал, что он может ему понадобиться.

На последнем отрезке пути к приискам дорога поднималась в горы. Достигнув вершины перевала, Мартиньи остановил лошадь, чтобы полюбоваться картиной, представшей перед его глазами.

Внизу расстилалась огромная равнина, окруженная песчаными холмами. Ее пересекал ручей, который, по милости недавно прошедших дождей, был наполнен водой. Равнина и холмы были когда-то покрыты растительностью, но песок, наступая, безжалостно поглощал ее. За исключением куста мимоз, на горах, на равнине, по берегам ручья не видно было ни одного дерева, ни одной зеленой травки. Разрытая, усеянная ямами и бугорками земля имела жалкий вид, а заходящее солнце, бросавшее лучи на этот обнаженный пейзаж, пробудило у Мартиньи воспоминание о Долине смерти, испарения которой несут смерть всему живому.

Посреди бесплодной равнины виднелся город – если только можно назвать городом скопище палаток, деревянных хижин, сараев и несколько недостроенных каменных домов. Над этими временными жилищами золотоискателей возвышались высокие трубы, извергавшие дым и пламя. Вокруг жилищ копошились люди. Особенно много их было около ручья – настоящий человеческий муравейник. Одни, полуобнаженные, стояли по колено в воде, с деревянными плошками в руках, другие просеивали песок через решета, третьи с жаром копали землю. Слышались крики, песни. Шум, поднимавшийся от этой огромной толпы, смешивался с шумом машин, со свистом пара, с визгом пил.

Однако виконт де Мартиньи слишком часто наблюдал в Калифорнии подобное, чтобы удивляться увиденному. Другое поразило его: относительный порядок, составлявший контраст с бурными сценами, которым он был свидетелем на берегах Сакраменто. Конечно, несмотря на то, что полиция имела здесь некоторый вес, пренебрегать предосторожностями не следует. Мартиньи понимал, что ему понадобятся мужество и бдительность, чтобы выжить в этой стране золотых слитков и золотого песка.

Удовлетворив свое любопытство, он пустился в путь.

Внизу, у подножия горы, дорога разветвлялась. Виконт, желая узнать, какая из них ведет к жилищу Бриссо, решил спросить золотоискателей, работавших неподалеку от него.

Этот пай, очевидно, был самый бедный и его, по-видимому, трудно было разрабатывать. Так как он находился далеко от ручья, владельцы его вынуждены были ходить с бочкой за водой, необходимой для промывания земли. Их было трое, тела прикрывали лохмотья, лица осунувшиеся, ввалившиеся щеки говорили о лишениях. Орудия золотоискателей были так же жалки, как и их наружность: кроме бочки, которую они должны были таскать беспрестанно к ручью по глинистой почве, у них было два заступа и несколько деревянных плошек. Зато за поясом у каждого, возле кожаного кошелька с золотым песком, были заткнуты длинные ножи. На краю глубокой ямы, которую рыл один из золотоискателей, Мартиньи увидел оловянный стакан и бутылку, вероятно, со спиртным, подкреплявшим время от времени утомленных работников.

Мартиньи остановился и некоторое время наблюдал за этими людьми. По лохмотьям, в которые они были одеты, он узнал мексиканцев. В Калифорнии о них ходила худая слава: золотоискатели-мексиканцы были свирепы, вспыльчивы, скоры на расправу и злопамятны.

– Здравствуйте, сеньоры, – приветствовал Мартиньи мексиканцев на их родном языке, которому обучился за время своих странствий. – Кто-нибудь из вас может ли мне указать, где живет француз Бриссо?

Золотоискатели тотчас перестали работать. Три пары блестящих черных глаз на исхудалых лицах, обрамленных черными бородами, впились в путешественника. Мартиньи спокойно ждал ответа на свой вопрос. Наконец один из мексиканцев, высокий, худощавый, с особенно отвратительной физиономией произнес хриплым голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.